

культурной традиции и способами ее трансляции. Общим для всех этих культурных феноменов является особая игровая среда, только включившись в которую человек приобретал специфический опыт, который нельзя приобрести в результате чтения научных текстов, рассуждений или в ходе бесед. Иными словами различные формы культурной традиции являются источниками знания, к которым невозможно пробиться, мобилизуя обычные типы знания, ибо эти источники скрыты в глубинах внутреннего мира человека и открываются только вместе с преобразованием этого мира посредством преобразования системы ценностей и жизненных смыслов. В определенном смысле обряды, обычаи, ритуалы можно интерпретировать как игровые ситуации, включаясь в которые индивид воспринимал и понимал жизнь. Путем погружения индивида непосредственно в переживаемое событие перечисленные культурные формы выполняли задачу его социализации, обучая его "как жить".

Данные формы в образовательном пространстве, ориентированные в своем неявном виде на приобщение индивида к специфическому типу знания, связанного с его самоопределением в новых условиях, располагают потенциалом для "проживания" и проигрывания проблемных ситуаций, в которых человек может оказаться.

Помимо этого, в ситуации построения гражданского общества, имеющего свое национальное своеобразие, данная практика работы с традиционными формами культуры может явиться механизмом по восстановлению непосредственной "живой" преемственности исторического развития нации и государства.

Осознавая всю сложность решаемой проблемы, сопряженную с проблемами переходного периода современной культуры, предлагаемые соображения меньше всего следует рассматривать как претензию на нормативность, но скорее как провокацию к дальнейшим размышлениям.

А. О. Горанский, магистр гуманитарных наук, заведующий отделением катехизаторов

Минское духовное училище

г. Минск

С. В. Мандрик, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры философии и истории *учреждение образования*

«Белорусский государственный аграрный технический университет»,

г. Минск

ОБЫДЕННОСТЬ И ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ВЕРУЮЩЕГО. ЖИЗНЬ И ВЕРА ЯДВИГИ ПАСТЕРНАК В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХИ

Над Беларусью проносились вихри исторических событий – Вторая мировая война, установление в Западной Беларуси советской власти, немецкая оккупация, коллективизация, форсированное строительство коммунизма, борьба с религией. Все это время в маленькой белорусской деревне Муляры Вилейского района Минской области жила и живет до сих пор Ядвига Пастернак. На фоне исторического потока ее судьба может показаться незначительной и малопривлекательной для историков, но именно из таких судеб и складывается история народа, выявляются его особенности и характерные черты.

Ядвига Викторовна Пастернак родилась 6 апреля 1927 г., и была девятым ребенком у глубоко верующих родителей. Вера в Бога традиционно пронизывала всю жизнь большой семьи, её с рождения впитывали дети, она становилась основой их жизни и мировоззрения. «Обычно день в доме начинался молитвой матери, которая утром вставала раньше всех. Потом молился отец. Перед завтраком звучала общая молитва всех членов семьи. Так было всегда, каждый день», – вспоминает детство Ядвига Пастернак[1].

В шестилетнем возрасте Ядвига серьезно травмировала ногу и до 25 лет ходила на костылях, а травма давала о себе знать всю жизнь. Операция при Польше была платной, а денег у многодетной семьи не было.

С семи лет Ядвига на костылях вместе с родителями и односельчанами посещала часовню в соседней деревне Дубово во имя Божией Матери Утешение, построенную в 1934 г., куда добирались пешком. Она хорошо запомнила первое Причастие и подготовку к нему. Родители собрали девочек и отправили в местечко Вишнево (ныне Сморгонский район Гродненской области), где при костеле жили монахини, которые занимались подготовкой детей к первому Причастию.

Ядвига Пастернак окончила шесть классов польской школы, где преподавали религию. Родители-католики по очереди привозили из Вишнева монахиню, которая и вела занятия. К православным ученикам в ту же школу приходил священник. Учеба давалась Ядвиге легко, однако, чтобы учиться дальше, нужно было ехать в школу за 25 километров в деревню Куренец (ныне Вилейского района Минской области), а возить ее так далеко было некому.

Ядвига Пастернак вспоминает, что в юности, ей, как и всем, хотелось побежать на танцы и погулять с подружками: «Когда незнакомый парень пригласит на танец, а польку, вальс и краковяк умели танцевать почти в каждом доме, приходилось отказываться и со стороны смотреть на общее веселье. Но, спрятав костыль под лавку и наблюдая за кружащимися в танце парами, я не чувствовала себя неполноценной, ведь нарядные платья девушек были сшиты моими руками. Отец был портным, и после него осталась швейная машинка «Зингер». Так как я не могла работать наравне со всеми из-за своего увечья, само собой мне выпало быть

портняжкой. Первые навыки я получила от отца, а потом сама приспособилась кроить и шить женскую одежду. Особенно я любила шить белые платья девочкам и невестам в костел и на свадьбу».

После войны верующие из Муляров в основном пешком (изредка брали коня в колхозе) ходили в костел в Вишнево, который находится на расстоянии 18 километров от деревни. «Я не плакала, – вспоминает Ядвига Пастернак, – когда до крови стирала костылями руки под мышками. Километры дороги давались непросто, нога потом долго болела. Однако сколько духовной радости и сил давало каждое посещение костела, особенно на праздники»[2]. Так, не жалуясь на судьбу и не впадая в отчаяние, Ядвига Пастернак провела свои молодые годы в учебе, работе и молитве, надеясь, что Бог ее не оставит, и какая-то перемена произойдет в ее жизни: И вот, в 1952 г. в Вилейку приехал врач, который смог сделать операцию на коленном суставе и поставить Ядвигу Пастернак на ноги.

Ксендз Юзаф Кисель из Вишнева, который служил там с 1941 г., поручил матери Ядвиги Пастернак Юзефе готовить местных деревенских детей к первому Причастию. Затем, с 1949 г., этим стала заниматься сама Ядвига. Для этого она от руки переписывала (как это тогда часто делали «русскими буквами» на польском языке) тексты молитв и катехизис и раздавала детям.

Катехизация в населенных католиками регионах Западной Беларуси традиционно проводилась очень активно и была неотъемлемой частью духовной жизни и взросления молодежи. Только в 1945 г. в Гродненской области обучались катехизису около 2–3 тысяч детей в возрасте 6–12 лет [3]. Однако в 1947 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР (СДРК) по БССР категорически запретил обучение религии детей и юношей до 18-летнего возраста не только в костелах, но и частным образом «даже родителям, если на это обучение приглашаются дети из других семей». Запрещалось также участие лиц моложе 18 лет в костельных хорах и других церковных организациях, проводить специальные богослужения для детей и молодежи [4]. В 1948 г. СДРК официально оформил запрет ксендзам в Литовской и Белорусской ССР на «руководство и непосредственное личное участие в деле катехизации детей»[5].

Дело в том, что после Второй мировой войны в БССР продолжало действовать законодательство о культах, принятое в первые десятилетия советской власти и ужесточенное во время хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. Важнейшим законодательным актом в этой области было Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [6]. Фактически оно действовало в БССР до 1977 года, хотя, по сути, не являлось общесоюзным законодательным актом, и не должно было иметь юридической силы за пределами РСФСР. В БССР Президиум Верховного Совета утвердил «Положение о религиозных объединениях» только указом от 27 февраля 1977 г. [7]. Согласно п. 17 «Постановления...» 1929 г. религиозным объединениям запрещалось «организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь». Однако на практике к религиозным организациям и верующим предъявлялись более жесткие требования, предписываемые закрытыми документами государственных органов [8]. Формально родители имели право обучать детей религии на дому, если не привлекались лица из других семей и количество детей не превышало трех человек. В то же время, согласно Основам законодательства СССР и союзных республик о народном образовании, родители обязаны были воспитывать детей в духе коммунистической нравственности, которая предполагала прививание атеистического мировоззрения. На XIV съезде ВЛКСМ в апреле 1962 г. говорилось, что «свобода совести не распространяется на детей и ни один родитель не имеет права калечить своих детей духовно». Повсеместно были предприняты меры, чтобы не допускать в храмы детей в возрасте от 4 до 18 лет. Для этого привлекали дружинников и милицию [9].

После запрета катехизации детей и молодежи до 18 лет подготовка детей к первому Причастию велась нелегально и тайно. Ее проводили ксендзы, костельный актив и отдельные наиболее подготовленные верующие. В семьях детей обучали религии верующие родители и бабушки [10]. Немалую роль в прививании религии детям сыграли женщины старшего поколения. Они тайно крестили детей, воспитывали их в религиозном духе, водили в храмы, обучали молитвам. Таким нелегальным катехизатором была и Ядвига Пастернак.

За подготовку детей и молодежи к первому Причастию и исповеди верующие могли подвергаться и подвергались административным наказаниям, штрафу и даже уголовному преследованию. 1 апреля 1966 г. Президиум Верховного Совета БССР издал указ «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах», которым постановил налагать штраф в размере 50 рублей за организацию специальных групп для детей, женщин и молодежи, не имеющих отношения к богослужению. В тот же день и тем же органом был принят еще один указ «О внесении дополнений в статью 139 Уголовного Кодекса БССР», дополнивший ее вторым пунктом, по которому действия, предусмотренные предыдущим указом, совершенные повторно, карались лишением свободы на срок до трех лет. Сразу же за упомянутыми указами Президиум Верховного Совета БССР принял разъясняющее постановление «О применении статьи 139 УК БССР», в котором приводился перечень деяний, подпадающих под определение «нарушение законодательства о религиозных культах», в том числе совершение обманных действий с целью возбуждения

религиозных суеверий, организация публичных собраний и религиозных процессий, нарушающих общественный порядок, систематическое и организованное преподавание религии детям»[11].

Статья 139 УК БССР давала полную свободу судебным органам подводить под государственное преступление «систематическое и организованное преподавание религии детям». 2 октября 1970 г. Народный суд города Гродно приговорил гардеробщицу Медицинского института Ядвигу Лойко за «совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК БССР «к исправительным работам по месту работы сроком на один год с удержанием в пользу государства 20% от заработка». Вина подсудимой состояла в том, что она проводила занятия с несовершеннолетними по обучению религии на протяжении 1969–1970 гг. [12].

Ядвига Пастернак также вместе с другими верующими ходила на похороны, пела молитвы, кропляла могилы освященной водой. Это в советское время часто было единственно возможной формой христианских похорон. Женщина никогда никому не отказывала и молилась за католиков и православных. В соответствии с п. 59 упомянутого выше Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г., «религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, а также в квартирах и домах верующих допускаются с особого каждый раз разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся». Архивные материалы содержат обширные сведения о том, что сопровождение погребальной процессии священнослужителями на кладбище и совершение там традиционного заупокойного богослужения в дни поминовения усопших воспринимались властями как нарушения законодательства о культах, за которое ксендзов предупреждали и наказывали вплоть до лишения регистрационной справки, подтверждавшей разрешение властей совершать богослужения в определенном приходе. В связи с этим верующим, не желавшим потерять своего пастыря, часто приходилось ходить на кладбища и молиться за своих предков без священника.

Положение католического духовенства в СССР было чрезвычайно сложным. Служивший в 1939 г. в деревне Дубово пожилой ксендз Юлиан Ситашкевич с приходом советской власти был арестован, а ксендз Тимошкевич из Вишнева вскоре после присоединения Западной Беларуси к СССР был арестован НКВД и расстрелян. Преследование католического духовенства и закрытие костелов активно проводились в Беларуси после Второй мировой войны. К середине 1946 г. в восточных районах БССР все католические храмы были закрыты, как «опорные пункты Ватикана» (84 костела, в которых служили 107 ксендзов). В костелах Минска, Заславля и Червеня разместили склады, в Узде и Логойске храмы приспособили под кинотеатры, в Березино — под библиотеку. В западных районах республики во многих костелах верующие собирались без ксендзов: (28 общин в Барановической области, 10 – в Гродненской, по 6 в Брестской и Пинской). В 1948 г. власти запретили ксендзам обслуживать более одного прихода, в результате чего 98 общин остались без пастырей. К 1953 г. в республике службы проводились только в 154 костелах, остальные были закрыты[13]. До 1989 г. в БССР не было ни одного католического епископа и не существовало ни одного учебного заведения Католической Церкви, а приезд ксендзов из-за границы был запрещен. Общее количество ксендзов с 1946 по 1950 г. сократилось с 225 до 111 [14].

«Я же просто молилась, – скромно вспоминает Ядвига Пастернак, – ходила в костел, шила девочкам белые платья к первой исповеди и Причастию и потихоньку обучала их христианской вере, передавая все то, что когда-то получила от родителей, для тех, кто не мог бывать в храме, приносила облатки, освященную воду и хлеб святой Агаты. Может быть, причина в моей инвалидности в молодые годы – я никогда не работала в колхозе, принимала заказы, шила одежду дома и всю жизнь работала на себя». За этими скромными словами – подвиг веры и благочестия. В советской Беларуси к Католической Церкви и верующим-католикам власти всегда относились с предубеждением, считая их адептами реакционной политики Ватикана, враждебными для коммунистической идеологии и советского общества. Религия объявлялась враждебной интересам трудящихся масс, своими антинаучными взглядами и моралью мешающей делу коммунистического строительства и являющейся серьезной помехой делу укрепления дружбы народов. Борьба с религией предусматривалась как неразрывная часть борьбы за воспитание нового человека – гражданина коммунистического общества. В принятой на XXII съезде Программе КПСС партия поставила задачу – «полностью освободить сознание советских людей от пережитков, ... в том числе и от религиозных предрассудков»[15].

Не имея возможности проведения открытых репрессий в отношении религиозных организаций, верующих и духовенства, как это было в 1930-е гг., государство решило удушить Церковь более «цивилизованными» средствами – экономическими и морально-идеологическими. В отличие от гонений 1930-х годов священнослужителей и мирян никто не расстреливал. Их заставляли по существу отречься от веры, делали изгоями в общественной среде. В это время имел место особый подвиг исповедничества, который совершили сотни тысяч людей.

С 1959 г. в СССР развернулась широкомасштабная антирелигиозная работа, в которой принимали активное участие партийные и советские органы, учреждения образования всех ступеней, культурно-просветительские и научно-исследовательские учреждения и вообще вся система социалистического общества. Атеистическая пропаганда оказывала сильнейшее морально-психологическое давление на верующих: огромными тиражами издавалась антирелигиозная литература, статьи на атеистические темы. Появились десятки антирелигиозных кинолент, к антирелигиозной кампании подключилось радио и телевидение. Отношение к религии формулировалось предельно откровенно, она ставилась в один ряд с

пьянством и преступностью, объявлялась основой невежества и вообще всех социальных бед, душительницей просвещения, всего разумного и прекрасного.

Из повседневной жизни пытались абсолютно вытеснить религиозные обычаи и традиции. Вместо них внедрялись новые безрелигиозные праздники и ритуалы (торжественная регистрация новорожденных и браков в загсе, комсомольские свадьбы, вручения паспортов подросткам в торжественной обстановке, гражданские панихиды) [16].

Во время хрущевских гонений на религию для обеспечения тотального наблюдения за верующими, духовенством и религиозными организациями в соответствии с закрытым Постановлением Совета Министров СССР № 263 от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», контроль над религиозными объединениями был возложен на местные органы власти (Советы депутатов трудящихся в деревнях, городах, районах и областях). Для этого повсеместно создавались сначала группы, а затем комиссии содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, в задачу которых входила организация противодействия влиянию религии и церкви на население. В 1972 г. в БССР официально действовало 2137 таких комиссий, в их состав входил 7041 человек.

Эти комиссии стали еще одним орудием власти в борьбе с религией. Они должны были выявлять, вскрывать и пресекать нарушения законодательства о культах, такие, например, как «совершение духовенством треб вне молитвенных зданий (крещение, исповедь, освещение домов и квартир), подворный сбор верующими средств для уплаты налогов, распоряжение кладбищами, распространение среди верующих «разных суеверий о священности тех или иных мест», непринятие соответствующих мер воздействия на верующих, молящихся у крестов под открытым небом в дни майских богослужений, совершение крестных ходов и молений на кладбищах, участие детей в религиозных процессиях и обрядах, торговля предметами культа и попрошайничество нищих и калек возле храмов» [17].

Удивительно, но, несмотря на все это, в Беларуси в советский период, вопреки официальному запрету на всякое богослужение вне стен «культового здания» сохранились формы религиозной жизни, которые отошли в прошлое в других католических странах, например, в Польше. Это совместный Ружанец, который читали, собираясь в костелах, когда не было ксендзов, молитвы за умерших, пение псалмов; торжество св. Блажея сопровождаемое благословением свечами, освящение хлеба в праздник св. Агаты [18]. Ружанцовые молитвы имели особое место в религиозной жизни в сельской местности западных областей Беларуси. Их совместное совершение сохранилось до сих пор. Группы Ружанца, как правило, состоят из 15 человек, и каждый из членов группы проговаривает одно из таинств Ружанца из 15 существующих. Ружанцовые молитвы совершались, как правило, в доме у одного из сельчан по умершем, во время Великого Поста, во время майских молений [19]. Майские богослужения (majowe nabożeństwa) связаны в Беларуси с почитанием Божией Матери и распространены в основном в Гродненской области. Обычно такие богослужения совершались у придорожных крестов или в домах верующих. Предварительно кресты специально украшались цветами, а в домах в одной из комнат устраивался алтарь – в центре стола ставилась статуя Девы Марии и крест, а по бокам – свечи [20].

Во всех этих богослужениях Ядвига Пастернак не просто принимала участие, но была их вдохновителем и организатором. Жители деревни Муляры свидетельствуют о том, что именно Ядвига Пастернак не позволила угаснуть вере даже в самые тяжелые годы.

Действительно, по данным архивов и исследований историков, религиозность в Западной Беларуси даже в самые тяжелые годы органически вписывалась в повседневную жизнь села. Костелы, каплицы с фигурами Божией матери и святых, придорожные кресты, иконы в домах свидетельствовали о неразрывной связи всей жизни с верой и Церковью. Религиозная культура в деревне была неотъемлемой частью народной культуры, всего сельского уклада жизни. Оставшись без костелов и духовенства католики во многих деревнях и даже в городах собирались в домах и квартирах верующих в вечернее время, выходные и майские дни, на праздники. [21].

До 1963 г. верующие во главе с Ядвигой Пастернак молились в каплице в деревне Дубово. По указанию председателя колхоза во время кампании борьбы с религией, развернутой Н. Хрущевым каплицу разобрали, а материал перенесли в деревню Ижа (Вилейского района), где из него построили больничную кухню. Сброшенный с каплицы крест Ядвига Пастернак хранила до недавнего времени, когда в 2011 г. он был воздвигнут над новой каплицей в деревне Куренец (Вилейского района) [22].

Собрания верующих вне стен храма считались советской властью незаконными, и с ними велась борьба. Еще 25 июня 1949 г. СДРК издал директиву № 4-60 с требованием ликвидации религиозных групп всех религиозных культов и направлений, существующих «в явочном порядке», то есть официально незарегистрированных. 30 апреля 1949 г. СДРК в письме своим уполномоченным на местах № 2-180с потребовал принять меры по ликвидации кружков «ружанца», ибо «как не связанная непосредственно с религиозными обрядами она не может охватываться понятием свободы отправления религиозных культов и противоречит ст. 124 Конституции СССР» [23].

Жизнь Ядвиги Пастернак была непростой, а испытания веры тяжелыми. Тем не менее, она и в своем почтенном возрасте не требует помощи у близких и государства, как Божий человек она живет с любовью к Богу и людям, и сама готова помогать всем, кто нуждается в помощи: «Испытываю радость от того, что могу

еще сделать что-то доброе для Костёла и людей». Благодаря активной, несмотря на преклонный возраст, деятельности Ядвиги Пастернак, религиозная жизнь в окрестностях деревни Муляры остается активной. Она и теперь остается любознательной и жизнерадостной, а главное, она несмотря ни на какие трудности сохранила искреннюю веру и в свои 87 лет продолжает служить Богу и людям. Заслуженной оценкой жизненного пути Ядвиги Пастернак было благословение, которое она впервые в истории получила на белорусском языке лично от папы Римского Франциска на Рождество 2013 г.

Список цитируемых источников

1. *Івінская Л.* Крыж любові і служэння Ядзвігі Пастэрнак // Дыялог. Культурна-рэлігійны часопіс. – 2014. – № 7. – С. 14.
2. Там же. – С. 13.
3. Государственный архив Гродненской области (ГАГО, г. Гродно). – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 41.
4. ГАГО. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 20.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва). – Ф. 6991. – Оп. 3. – Д. 68. – Л. 168, 169.
6. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апр. 1929 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – С. 250–261.
7. Положение о религиозных объединениях: утверждено указом Президиума ВС БССР, 27.02.1977 г. // О религии и церкви. – Минск: Беларусь, 1983. – С. 92–103.
8. Предложения уполномоченного СДР по БССР по разработке «Положения о религиозных организациях» от 14.09.1966 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 184.
9. *Молоков В., Платонов Р.* Современное православие. – Минск: «Беларусь», 1966. – С. 122.
10. ГАГО. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 124; 90. – Д. 19. – Л. 118.
11. Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах; О внесении дополнений в статью 139 УК БССР: указы Президиума ВС БССР, 1.04.1966 г.; О применении статьи 139 УК БССР: постановление Президиума ВС БССР, 1.04.1966 г. // НАРБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 44–46.
12. ГАГО. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 78–80.
13. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 62. – Д. 348. – Л. 180–182.
14. Рэпрэсіі духавенства рымска-каталіцкай царквы у БССР // Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. – Мінск 1998. – С. 97–105; НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 62. – Д. 162. – Л. 54–51.
15. Алексеев В.А. Штурм небес отменяется? – М., 1999. – С. 238.
16. О задачах советских органов по внедрению гражданских обрядов: Постановление СМ БССР, 4.05.64 // НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 4. – Д. 43. – Л. 13.
17. ГАГО. – Ф. 475. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 11; НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 62. – Д. 561. – Л. 108.
18. *Renik K.* Podpolnicy. Rozmowy z ludźmi Kościoła na Litwie, Łotwie, Białorusi i na Ukrainie. 1990–1991. – Warszawa: Oficyna «Przeglądu Powszechnego», 1991. – S. 124.
19. Dzwonkowski R. SAC, ks. Charakterystyka religijności Polaków na Białorusi i Ukrainie // Chrześcijaństwo w Związku Radzieckim w dobie perestrojki i gласnosti. Materiały z sesji Eklezjologiczno-Misjologicznej Pieniężno, 28-30.IX.1989 / Red. W. Grzeszczak SVD, E. Sliwka SVD. – Warszawa: Pieniężno, 1992. – S. 166, 167
20. Государственный архив Гродненской области (ГАГО, г. Гродно). – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 7; Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ, г. Минск). – Ф. 952 – Оп. 4. – Д. 70. – Л. 22, 23; Д. 482. – Л. 104, 105
21. НАРБ. – Ф. 952 – Оп. 4. – Д. 15. – Л. 5, 6.
22. *Івінская Л.* Крыж любові і служэння Ядзвігі Пастэрнак // Дыялог. Культурна-рэлігійны часопіс. – 2014. – № 7. – С. 15.
23. ГАГО. – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 6.

А. П. Елопов, старший преподаватель

учреждение образования «Белорусский государственный университет транспорта»,
г. Гомель

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДИСКУРСЕ

Память о Великой Отечественной войне является важным элементом национального самосознания современных белорусов, русских и украинцев. К ней постоянно обращаются или на нее пытаются воздействовать участники всех крупных идеологических споров, волнующих постсоветские республики Восточной Европы, споров, в которых антикоммунисты противостоят коммунистам, сторонники «европейского выбора» — его противникам, белорусские и украинские националисты — тем, кто мечтает о возвращении Российской империи. Не стоит в стороне от этих споров и Русская Православная Церковь (РПЦ), крупнейшая конфессия Беларуси, России и Украины. В своей работе мы рассмотрим те основания, на которых строится сейчас отношение РПЦ к событиям 1941—1945 гг., и то место, которое тема Великой Отечественной войны занимает в концептуальной мысли и речевых практиках современного русского православия. Подчеркнем еще раз — русского, поскольку Православная Церковь в нашей собственной стране, Республике Беларусь, не только организационно, но и ментально вписана в систему РПЦ, чутко реагируя едва ли не на все церковные процессы, происходящие в соседней России.

Как известно, кризис, а затем и распад СССР сопровождался настойчивыми попытками радикально переоценить ход, характер и итоги советской истории. Появилось огромное количество публикаций, выполненных не только профессиональными историками, в которых период с 1917 по 1991 г. характеризовался как время грандиозных преступлений и ошибок, массовых иллюзий, помрачения народной совести и торжества